

*Я.Л. Салогуб**,
*В.П. Казанцев***

**Международный договор аренды территории
как форма колониальной экспансии в Китае
на рубеже XIX–XX вв.**

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается международный договор аренды территории как особый способ колониальной экспансии в Китае на рубеже XIX–XX вв.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: международный договор аренды территории, Коулунское продолжение, Конвенция о Порт-Артуре, колониальная экспансия.

В последние десятилетия XIX века колониальная экспансия ведущих европейских держав в Китай резко активизировалась. К этому времени участники раздела «колониального пирога», спеша укрепиться в южной части Тихого океана, преследовали несколько иные цели, чем их предшественники всего пятьдесят лет назад. По мере завершения раздела «ничейных» территорий и появления новых участников экспансии (Германия, Япония, США) соперничество держав обострялось, а это ставило задачи не столько получения непосредственного хозяйственного эффекта и развития национальной экономики, но и утверждения своего геополитического влияния, создания препятствий

* Салогуб Яна Леонидовна, к.и.н., доцент кафедры общетеоретических правовых дисциплин Северо-западного филиала Российского государственного университета правосудия, Санкт-Петербург, Россия; E-mail: salogub66@mail.ru

** Казанцев Виктор Прокопьевич, к.и.н., доцент, заведующий кафедрой истории и гуманитарных дисциплин мединститута «РЕАВИЗ», Санкт-Петербург, Россия; E-mail: smunspb@rambler.ru

для усиления влияния других участников. Всё это справедливо и для проектов держав по проникновению в Китай.

Процесс колониальной экспансии в Китай редко сопровождался прямой аннексией китайских территорий. Для расширения зоны влияния и установления контроля над важными в геополитическом плане или экономически выгодными территориями, ведущими колониальными державами в Юго-Восточной Азии на рубеже XIX–XX вв. широко применялся институт международной аренды территорий.

Аренда государственной территории относится к договорным формам производного способа приобретения территории. Понятие аренды государственной территории берёт своё начало в гражданском, а точнее — в римском праве [20, с. 3]. В настоящее время международную аренду связывают с ограничением территориального верховенства государства [1, с. 21–25]. Подобный договор — это международный нормативный правовой акт, где субъектами выступают государства, и передача объекта (государственной территории) осуществляется только в установленном этим актом порядке.

Помимо договора международной аренды, колониальные державы в Китае, для получения контроля над «нужной» территорией, использовали также договор концессии. В концессионном соглашении в сфере железнодорожного строительства, очень популярном в период «битвы железнодорожных концессий» 1895–1899 гг., территория являлась материальной основой для деятельности по строительству хозяйственного комплекса (железной дороги). Государство, получившее концессию, осуществляло на этой территории строго определённый вид предпринимательской деятельности, являвшийся монополией китайского государства, и переданной концессионеру как «привилегия» [9, с. 2037–2038].

По международному договору аренды одна сторона передавала другой право территориального верховенства, что позволяло последней осваивать и эксплуатировать арендованную территорию по собственному усмотрению, не противоречащему условиям договора.

Начало заключению договоров «колониальной аренды территорий» с Китаем положила Германия. Опоздавшая к разделу «колониального пирога», свою внешнюю политику конца XIX в. Германия направила на приобретение любых объектов «без учёта географических и стратегических возможностей, без учёта общеполитической обстановки и даже без учёта внутренней экономической ценности данных объектов» [10]. Воспользовавшись благоприятной ситуацией, сложившейся в результате убийства германских миссионеров в провинции Шаньдун, 14 ноября 1897 г. германский десант высадился в бухте Киао-Чао (Цзяочжоу). Правительство богдыхана было вынуждено 6 марта 1898 г. подписать Конвенцию о передаче в

арендное пользование на 99 лет территорию вокруг бухты Киао-Чао глубиной в 50 км и саму бухту с целью создания базы для военных и торговых судов [6]. Ст. 1 Конвенции предусматривала сохранение суверенитета за китайским императором, но ст. 3, «во избежание недоразумений», лишала правительство богдыхана возможности пользоваться верховными правами на весь срок аренды территории, передав их Германии. Конвенция (ст. 5) сохранила за Китаем лишь коренной суверенитет, обязав Германию не передавать полученные территории в аренду какой-либо другой державе.

Активная экспансия ведущих европейских держав, США и Японии в Китае в последней четверти XIX в. положила конец расширению Британской колониальной империи. Однако в июне 1898 г. Англия, по Соглашению о расширении территории Гонконга [18], сумела добиться передачи ей в аренду на 99 лет части материкового Китая, вошедшей в историю как «Новые Территории или Коулунское Продолжение».

По Соглашению 1898 г., арендованная территория, за исключением города Коу-лун (Цзюлун), сохранившего китайскую администрацию, на весь срок договора переходила под юрисдикцию гонконгских властей. Юрисдикция китайской администрации могла быть ограничена в любой момент по «военным требованиям обороны Гонконга», что впоследствии и было сделано. Границы «Новых территорий» Соглашение определяло только «в общих чертах на прилагаемой карте», где указывалось, что они расположены между 113°52' и 114°30' восточной долготы и к югу от 22°9' северной широты. Это позволило англичанам при проведении демаркационных работ добавить себе некоторые площади. Арендная плата в Соглашении не упоминалась и никогда не вносилась. Китайская сторона не поднимала этот вопрос, опасаясь, по словам английского посланника К. Макдональда, «обвинений в том, что торгуют своей страной» [11, с. 18]. Несмотря на различия оснований, по которым три части Гонконга вошли в состав Британской колониальной империи, все они были объявлены неотъемлемой частью единой колонии.

Утрата Англией большей части колониальных владений во второй половине XX в. не коснулась Гонконга, который продолжал существовать как колония Великобритании весь срок арендного договора до 1997 г., после чего был передан под юрисдикцию Китая.

Примерно на тех же условиях и для тех же целей в течение 1898 г. Китай передал в аренду южную часть Ляодунского полуострова (Квантунский полуостров) России и бухту Вэйхайвэй Англии. Договоры распространяли на территориях действие законодательства арендатора, власти получали право экстерриториальности, что означало

введение иностранной системы местного управления и судов, фиксированные низкие таможенные ставки. Морские таможни и почтовая служба передавались в управление арендаторам. Составной частью договоров являлось предоставление концессий — железнодорожных и горнопромышленных. Несмотря на то, что договор аренды возмездный, условия оплаты не оговаривались. Однако государства-арендаторы не имели права самостоятельно решать вопрос о передаче территории третьим странам, что свидетельствует о формальном сохранении коренного суверенитета Китая над арендованными территориями.

Конвенция между Россией и Китаем о Порт-Артуре была подписана 15 (27) марта 1898 г. [12]. Военная операция по занятию территории завершилась к 8 утра 16 марта традиционной процедурой утверждения символа Российской государственности — поднятием флага. «В 8 часов, одновременно с подъёмом кормового флага на эскадре, на форте Золотой Горы взвились вместе русский и китайский военные флаги, которым эскадра салтовала 21 выстрелом; вслед за этим форт Золотой Горы салтовал моему флагу и в ответ получил установленный салют крепости», — доложил командованию начальник Тихоокеанской эскадры Ф.В. Дубасов [19]. Через час (9 часов утра) десант с крейсера «Дмитрий Донской» и с лодки «Кореец» занял Талиенвань (Дальний).

По Конвенции к России отошла территория в 2 784 тысячи квадратных вёрст с населением в 250 тыс. человек [13, с. 299–327; 17]. В пределах области находились 4 города: Цзиньчжоу, Порт-Артур, Бицзыво и Талиенвань (Дальний). В Конвенции оговаривалось, что Россия арендует у Китая эту территорию сроком на 25 лет, с правом продления аренды, но без оплаты или каких иных условий. К портам полуострова будет проведена ветка от основного пути Китайской восточной железной дороги (КВЖД).

Аренда не нарушала верховные права императора Китая на Ляодун (Квантун), но в тексте конвенции специально оговаривалось, что «всё военное командование, ... а равно и высшее гражданское управление будут всецело предоставлены русским властям и будет сосредоточено в руках одного лица» [16]. Китайцам предоставлялось право «выселиться из пределов арендуемой Россией территории, или же, остаться в одной, без препятствия со стороны русских властей» [15].

По 6 статье Конвенции Порт-Артур, как военный порт России и Китая, объявлялся закрытым для судов других держав. Бухты Талиенваня (Дальнего), кроме одной, предназначавшейся в пользование России и Китая, объявлялись свободными для доступа торговых судов всех стран [3, с. 7].

После проведения демаркационных работ по установлению границы 7 мая 1898 г. к Конвенции был подписан дополнительный прото-

кол [7], по которому китайское правительство обязалось: не уступать иностранцам без согласия России участки в нейтральной зоне вдоль северной сухопутной границы Квантунского полуострова; не открывать для торговли порты по восточному и западному побережью этой зоны; не предоставлять иностранцам в нейтральной зоне железнодорожные, горнорудные и промышленные концессии. Китай сохранил за собой право контроля пограничных вопросов в случае возникновения спора по поводу чересполосного расположения земельных участков пограничных деревень. Эти вопросы подлежали совместному ведению пограничных властей обоих государств на точном основании ст. 1 протокола об установлении границы.

Конвенция и дополнительный Протокол устанавливали следующие цели и условия уступки Квантуна:

1. Договор имел целью преобразовать военную и морскую системы Китая с целью защиты последнего с одной стороны, с другой стороны удовлетворить насущным колониальным потребностям России, открыть этот край для мировой торговли путём создания КВЖД.

2. Срок аренды может быть продлён.

3. Аренда не должна нарушать верховных прав Китая на эту территорию, полная власть будет находиться в руках только России, без права передачи области другому государству, то есть «переаренды» [5, с. 24].

Таким образом, под юрисдикцией российского правительства оказалась территория, которая, оставаясь китайской *de-jure*, подлежала включению в административное и правовое пространство Российской империи, причём — на неопределённый срок.

В правительственных кругах Российской империи понимали прямую связь местного управления с особенностями международно-правового статуса арендованной территории. Анализируя существующую международную практику по данному вопросу, профессор кафедры международного права Санкт-Петербургского университета Ф.Ф. Мартенс выделил ряд положений, подтверждавших, что «русско-китайские соглашения есть только звено в цепи международных фактов, именно новейшего времени» [8, л. 70].

Передача русским властям высшего военного и гражданского управления, предполагавшего право создания соответствующей административной системы, не противоречила нормам ст. 1 конвенции, сохранявшей верховные права богдыхана на Квантунский полуостров. Верховная власть китайского императора определялась как *nudum jus* («голое право» — право без возможности реализации), от осуществления которой, на время действия аренды, он отказался.

Такие прецеденты имелись в международной практике. Например, в соответствии с положениями ст. 25 Берлинского трактата

1878 г. [2] (уточнёнными австро-турецкой Константинопольской конвенцией 21 апреля 1879 г.) сохранялась *de jure* верховная власть турецкого султана над славянскими областями Турции, переданными под управление Австро-Венгрии, а население считалось подданными Османской империи. Доходы с этих территорий не зачислялись в доход австро-венгерской казны, а расходовались исключительно на местные нужды. Никаких других положений насчёт организации порядка управления территориями в названных международных актах не встречалось. Однако, по данным российского МИДа, австро-венгерское правительство осуществляло в Боснии и Герцеговине высшую законодательную, административную и судебную власть в полном объёме [8, л. 71об.]. Во главе управления обеих областей стоял Командующий из военных чинов (не ниже генерала). Ему непосредственно подчинялись директора департаментов финансов, юстиции и внутренних дел. Местное управление находилось в руках начальников округов и уездов, обладающих как административными, так и судебными полномочиями. Отправление правосудия осуществлялось окружными судами, подведомственными апелляционному суду в Сараево, на основании изданных австро-венгерским правительством кодексов.

Статус Порт-Артура имел много общего с островом Кипр, который был уступлен турецким султаном Англии согласно конвенции от 4 июня 1878 г. [22] *pour être occupée et administrée par elle* («для занятия и управления»), за союзную помощь в борьбе против России [21, с. 55–56]. По конвенции, верховная власть султана над островом сохранялась, но её осуществляли англичане при соблюдении определённых условий (п. 1–6, ст. II): сохранение духовных судов для мусульман; назначение султаном резидента для управления вакуфами; передача излишка от доходов острова, оставшегося после покрытия всех местных расходов по управлению, в султанскую казну; возможность для османского правительства беспрепятственного отчуждения государственного имущества, находящегося на острове. Британские власти получили право на эксплуатацию всех пустопорожних земель.

В конвенции закреплялось, что если Россия отдаст Турции завоеванные во время войны 1877–1878 гг. турецкие земли в Армении и города Батум и Карс, то Англия вернёт остров Турции.

Исходя из этих прецедентов, получалось, что продление аренды Квантуна зависело исключительно от желания сторон (ст. 3 Конвенции о Порт-Артуре), в то время как возвращение Кипра зависело от действий третьей стороны — России (ст. I Конвенции о Кипре). И хотя никакой союзной помощи во время русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оказано не было, Кипр остался у Англии, которая покинула остров только в 1959 г.

Порядок управления островом осуществлялся в соответствии с ордонансом от 7 января 1897 г. Верховного комиссара английской королевы на Кипре сэра Гарнета Уолси. На титульной обложке акта помещён вензель султана, но содержание его 252 статей явно английского происхождения. Ордонанс включал: устав судебных установлений, уголовный кодекс, уставы уголовного и гражданского судопроизводства, торговый устав, полицейский устав. Административную и фискальную деятельность на Кипре осуществляли чиновники, назначаемые Верховным Комиссаром. В их распоряжении были все налоги, собираемые с населения. Действие заключённых с Турцией капитуляций Англия приостановила, отменив консульскую юрисдикцию при молчаливом согласии других европейских держав. В 1879 г. британское правительство учредило в Никосии верховный английский суд, осуществлявший правосудие на основании законов Великобритании в отношении всех обитателей Кипра: как подданных султана, так и иностранцев. Свои полномочия сохранил только мусульманский суд. Этот опыт был истолкован российским правительством так: если Англия не передаёт в оттоманскую казну остаток доходов с острова, оставшихся после покрытия расходов на управление, то Россия вправе делать то же в Квантунской области, а также устанавливать свои законы и открывать свои суды [14].

В целом, условия присутствия Российской империи на Квантунском полуострове предоставляли последней больший объём полномочий по сравнению с условиями присутствия Австро-Венгрии в Боснии и Герцеговине, а Великобритании на Кипре. Это позволяет сделать вывод, что в конце XIX в. в практике международных отношений под международной арендой понимали не просто ограничение территориального верховенства, а «полный переход его от одного государства к другому, причём суверенитет, вернее — личное верховенство, остаётся за государством, передающим территорию в „аренду“» [4, с. 323].

Сдача Китаем своей территории в аренду происходила не по его желанию, а исключительно в интересах какого-либо другого государства весьма на неопределённый срок. К тому же на практике правила аренды государственных территорий часто искажались, что даёт основание рассматривать договоры международной аренды, заключённые Китаем в конце XIX — начале XX вв. как разновидность передачи территории от одного государства другому, то есть — цессии. Учитывая, что такая передача осуществлялась в интересах более развитого в экономическом и сильного в военном отношении государства, подобную «колониальную аренду» следует рассматривать не чем иным, как своеобразной формой аннексии.

Литература

1. *Амплеева Е.Е.* Аренда как способ приобретения и изменения государственной территории // Вестник Санкт-Петербургской юридической академии. 2011. № 2 (10). С. 21–25.
2. Берлинский трактат. Берлин, 1/13 июля 1787 г. // Сборник договоров России с другими государствами 1856–1917 гг. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. С. 181–206.
3. *Буксгевден А.* Русский Китай. Очерки дипломатических сношений России с Китаем. Порт-Артур: Изд-во книжного склада «Новый край», 1902. 248 с.
4. *Грабарь В.Э.* Материалы к истории литературы международного права в России (1647–1917). М.: Зерцало, 2003. 888 с.
5. *Демчинский Б.Н.* Россия в Манчжурии (по неопубликованным документам). СПб: Изд-во Типография А.С. Суворина, 1908. 175 с.
6. Договор между Германией и Китаем об уступлении Цзяочжоу, Пекин. 6 марта (22 февраля) 1898 г. // Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843–1925) // Труды Московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. Т. VI. М., 1927. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/21-40/38.htm (Дата обращения 24.12.2013).
7. Дополнительный Протокол к Пекинской конвенции 15/III–1898 г. // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока за 1895–1905 гг. СПб.: Изд-во М-ва иностр. дел; Тип. А.М. Менделевича, 1906. С. 336–337.
8. Записка профессора Санкт-Петербургского университета и члена Совета министра иностранных дел Ф.Ф. Мартенса министру иностранных дел М.Н. Муравьеву от 2 апреля 1898 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1284 (1898 г.). Оп. 185. Д. 51. Л. 71.
9. *Засыпкин Д.Ю.* Объект концессионного соглашения // Право и политика. 2010. № 11. С. 2037–2046.
10. Захват Германией Киао-Чао в 1897 г. // Красный архив. 1938. № 2 (87). URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1880-1900/Zachvat_Kiao_Cao/pred.htm (Дата обращения 24. 12. 2013).
11. *Иванов П.М.* Гонконг. История и современность. М.: Наука, 1990. 278 с.
12. Конвенция, заключённая между Россией и Китаем 15 (27) марта 1898 г. (О Порт-Артуре) в Пекине // Сборник договоров и дипломатических документов по делам Дальнего Востока. 1895–1905. СПб.: Изд-во М-ва иностр. дел; Тип. А.М. Менделевича, 1906. С. 331–337.
13. *Лукоянов И.В.* «Не отстать от держав...» Россия на Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX века. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2008. 668 с.
14. Письмо профессора Санкт-Петербургского университета и члена Совета министра иностранных дел Ф.Ф. Мартенса министру иностранных дел М.Н. Муравьеву от 29 марта 1898 г. // РГИА. Ф. 1284 (1898 г.). Оп. 185. Д. 51. Л. 68–69.
15. Правительственное сообщение от 17 марта 1898 г. // Порт-Артур: китайский, японский, русский. СПб.: Изд-во Типография А.С. Суворина, 1905. С. 1–3.

16. Российский государственный архив военно-морского флота (РГА ВМФ). Ф. 417. Оп. 1. Д. 1897. Л. 83.

17. *Самойлов [В.К.]*. Описание занятой нами территории на Ляодунском полуострове, составленное Генерального штаба капитаном Самойловым. СПб.: Военная типография, 1899. 347 с.

18. Соглашение о расширении территории Гонконга, заключённое между Великобританией и Китаем в Пекине 9 июня (28 мая) 1898 года // Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1843–1925) // Труды московского института востоковедения им. Н.Н. Нариманова. Т. VI. М., 1927. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/China/XIX/1840-1860/Sb_dog_Dal_vost/41-60/47.htm (Дата обращения 24. 12. 2013).

19. Телеграмма из Порт-Артура от контр-адмирала Ф.В. Дубасова от 16 августа 1898 г. № 255 управляющему морским министерством П.П. Тыртову // РГА ВМФ. Ф. 417. Оп. 1. Д. 7010. Л. 453.

20. *Чернышев Д.Н.* Международно-правовые проблемы международной аренды государственной территории в отношениях между Российской Федерацией и соседними странами. Автореф... дисс. канд. юрид. наук. М., 2010. 23 с.

21. *Шмелёва О.И.* Средиземноморская колониальная политика Великобритании в конце XIX века // Вестник МГГУ им. М.А. Шолохова. 2013. № 3. С. 51–58.

22. The Cyprus Convention: Great Britain and The Ottoman Empire, 4 June 1878 — 3 February 1879 // *Hurewitz, J.C.* Diplomacy in the Near and Middle East. Princeton, New Jersey, Toronto, New York: D. VAN NOSTRAND COMPANY, INC, 1956. P. 187–189.

Ya.L. Salogub, V.P. Kazantsev***

International lease of a territory as a form of colonial expansion in China at the turn of XIXth and XXth centuries

ABSTRACT: The article considers international lease of a territory as a special form of colonial expansion in China at the turn of XIXth and XXth centuries.

KEYWORDS: international lease of a territory, Kowloon continued, the Convention on the Port-Arthur, colonial expansion.

* Salogub Yana Leonidovna, PhD in History, associate professor of the Chair of General Theoretical Legal Subjects of the North-Western Branch of the Russian State University of Justice, St.-Petersburg, Russia; E-mail: salogub66@mail.ru

** Kazantsev Viktor Prokopyevich, PhD in History, associate professor, Head of the Chair of History and Humanities of the REAVIZ Medical Institute, St.-Petersburg, Russia; E-mail: smunspb@rambler.ru